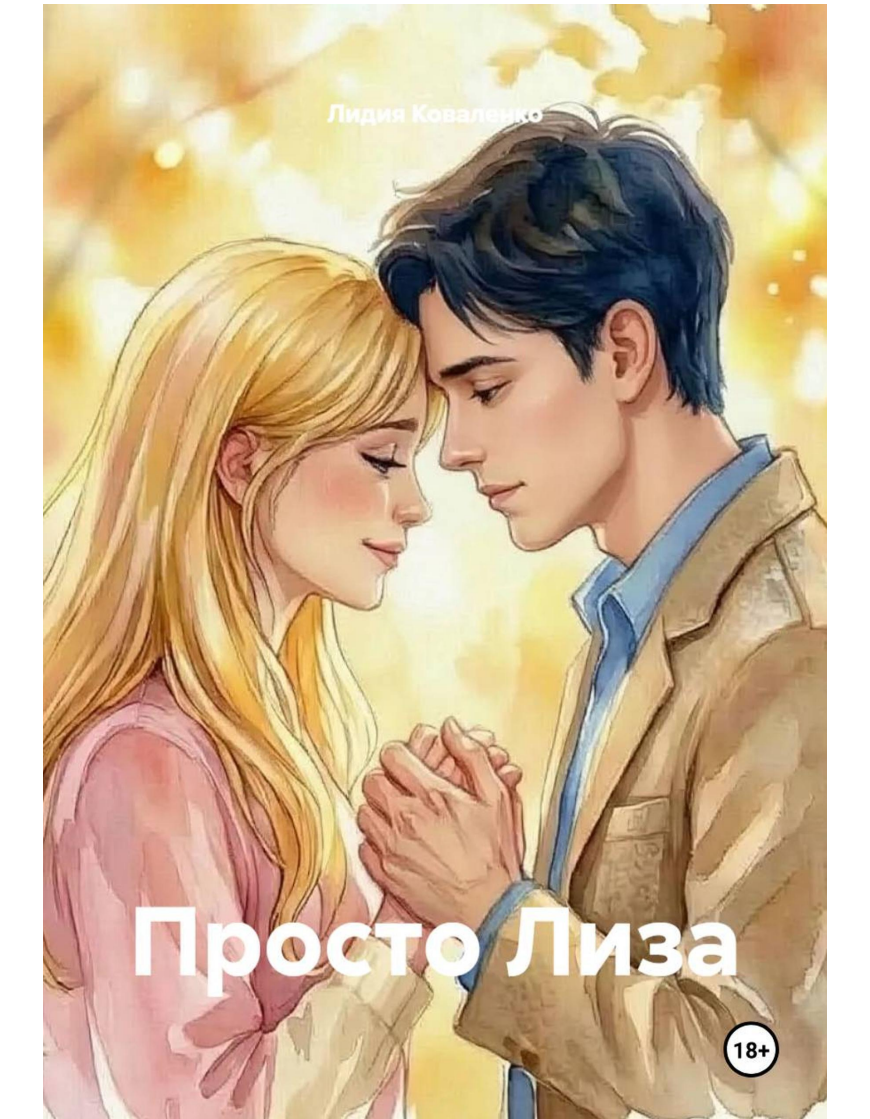

Лидия Коваленко

Просто Лиза

18+

Лидия Коваленко

Просто Лиза

<https://litres.ru/74500313>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о том, что настоящая любовь не требует декораций: она живёт в простых моментах — в чашке чая, в тихом разговоре у окна, в том, как кто-то поправляет тебе салфетку, будто это самое важное дело в мире. Лиза и Миша учатся быть вместе не вопреки сложностям, а вместе с ними: прошлое не исчезает, но рядом всегда есть тот, кто не даст с ним остаться один на один. Тёплый, честный роман о семье, которую выбирают сердцем, и о смелости принимать не только счастье, но и ответственность за него.

Лидия Коваленко

Просто Лиза

Глава 1. Дождь и пирог

Пирог подгорел.

Не сильно — краешки потемнели, и кухня запахла горелым сахаром, смешанным с корицей. Лиза стояла у духовки в растянутой футболке и носках, смотрела на результат и думала: вот, собственно, вся она. Старалась, пекла, ждала — а краешки всё равно подгорели.

Она вытащила форму, поставила на решётку, подула. Пахло нормально. Даже вкусно, если не смотреть на бока. Лиза провела пальцем по краю формы — горячо — и сунула палец в рот, и в этот момент дверь щёлкнула.

Она обернулась так резко, что чуть не уронила прихватку.

Миша стоял в прихожей, стряхивая капли с куртки. Тёмные волосы влажные, падают на лоб. Пальто перекинута через руку, ботинки мокрые. Он выглядел так, как всегда: высокий, спокойный, будто дождь — это мелочь, о которой не стоит думать.

— Пробки, — сказал он, не объясняя. Просто бросил это слово, как ключ на стол.

— Ничего, — ответила Лиза и тут же подумала: а что «ничего»? Ничего, что опоздал? Ничего, что я два часа ждала? Ничего, что я испекла этот чёртов пирог, который подгорел, только потому что ты написал «буду вечером» и она решила, что «вечером» — это повод испечь что-то?

— Чем пахнет? — Миша заглянул на кухню, и его лицо изменилось: не улыбка, а что-то мягче, тёплее, как будто он увидел не пирог, а доказательство того, что его тут ждут.

— Пирог. Но не смотри на края.

— Края — самое вкусное, — сказал он и пошёл мыть руки.

Лиза стояла у плиты и слушала, как течёт вода. Она знала этот звук наизусть: сначала громко, потом тише, потом он всегда закрывает кран одним движением, без лишнего вращения. Она знала про него вообще слишком много. Что он пьёт кофе без сахара. Что у него мозоль на среднем пальце правой руки — от карандаша. Что он всегда берёт мятные леденцы, когда идёт в магазин, и не потому что любит, а по-

тому что она однажды сказала, что ей нравятся. Что он спит на левом боку. Что его смех — негромкий, короткий, будто он боится рассмеяться слишком громко.

Она знала это всё, и это «всё» было чем-то, о чём она старалась не думать, потому что стоило начать — и остановиться было нельзя.

Кухня в маминой квартире была маленькая и неудобная: холодильник стоял так, что дверца не открывалась полностью, стол вмещал двоих, если не дышать, а над плитой висела люстра с одним неработающим рожком. Но Лиза любила эту кухню. Здесь всё было на своих местах: чашки с отколотыми ручками, деревянная доска с пятном от свёклы, сахарница с трещиной, которую мама не выбрасывала, потому что «она ещё послужит». И в этой кухне Миша сидел каждый раз, когда приезжал, — на стуле у окна, спиной к стеклу, и Лиза никогда не садилась напротив, потому что тогда она бы смотрела на него весь вечер, а ей нужно было хотя бы делать вид, что она смотрит на тарелку.

Сегодня она села напротив.

Это было так странно, что Миша поднял бровь.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — сказала Лиза и тут же поняла, что повторяет это слово слишком часто.

Она разрезала пирог. Нож тупой, корочка крошилась. Лиза старалась ровно, но куски получались неровные — один больше, другой меньше. Большой она пододвинула Мише. Он не заметил. Он вообще никогда не замечал таких вещей, и Лизу это одновременно злило и успокаивало: злило, потому что ей хотелось, чтобы он видел; успокаивало, потому что если бы он увидел, пришлось бы объяснять.

— Как в универе? — спросил он, откусывая.

— Нормально, — Лиза пожала плечами. — Преподаватель по истории говорит монотонно. Половина группы спит. Я не сплю, но только потому что сижу на первом ряду и он меня видит.

— Это стратегия.

— Это инстинкт самосохранения.

Миша усмехнулся. Коротко, тихо — так, как она и ожидала. Лиза почувствовала, как внутри что-то тёплое шевельнулось, и быстро посмотрела в окно. За стеклом моросил мел-

кий осенний дождь, не настоящий, а такой, который даже не капает, а просто висит в воздухе. Фонарь на углу уже горел, и его свет размазывался по мокрому асфальту.

— А у тебя? — спросила она, чтобы не молчать.

— Проект сдали. Клиент хотел «чтобы было современно, но классически». Ты знаешь, что это значит?

— Ничего.

— Вот именно. Ничего. Но мы сделали, и ему понравилось.

Лиза улыбнулась. Она любила, когда Миша рассказывал про работу: он становился живее, обычная сдержанность уходила, и он жестикулировал, чуть наклонялся вперёд, и глаза — тёмные, почти чёрные в кухонном свете — становились ярче. Она могла слушать его часами, даже про шрифты и отступы, про которые ей на самом деле было всё равно.

Они ели пирог. Миша ковырял вилкой, отделяя подгоревшую корку от мякоти.

— Можно я? — он показал на корку.

— Ты серьёзно?

— Я же сказал — края самое вкусное.

Лиза рассмеялась. По-настоящему, коротко, и тут же прикрыла рот ладонью, потому что смех вышел громким, неловким, будто она не смеялась, а чихнула. Миша посмотрел на неё — на секунду дольше, чем нужно, — и в этом взгляде не было ничего особенного. Обычный взгляд. Спокойный. Родной.

Родной. Вот это слово — «родной» — оно и царапнуло.

Лиза не помнила, когда именно начала замечать. Может, в пятнадцать, когда Миша приехал на её день рождения и принёс ей набор акварели — не детский, а настоящий, с тюбиками, которые пахли пигментом и чем-то маслянистым. Она развернула бумагу, увидела тюбики и подумала: «Он запомнил». Не мама, которая подарила духи. Не папа, который перевёл деньги на карту с подписью «купи себе что хочешь». А Миша — запомнил, что она рисует, и принёс именно то, что ей нужно.

Или в шестнадцать, когда она заболела — обычная простуда, температура, насморк, — и Миша приехал с апельсинами и книгой. Не с таблетками, не с супом, а с книгой: тон-

кий роман, который она хотела прочитать, но не могла найти. Он сказал: «Мне показалось, тебе это подойдёт». Она прочитала за два дня, лежа в кровати с платком, и потом долго думала не о книге, а о том, как он узнал, что она её ищет.

Или в семнадцать, когда они случайно столкнулись в городе — она шла из школы, он из студии — и он предложил ей кофе. Они сели в маленькой кофейне на углу, за столик у окна, и просидели полтора часа. Она говорила про школу, он слушал. Он говорил про работу, она слушала. Между ними не было пауз, которые надо заполнять, и не было слов, которые надо подбирать. Было легко, как с человеком, которого знаешь не год и не два, а всю жизнь.

Собственно, она и знала его всю жизнь. Он был рядом, сколько она себя помнила: на каждом дне рождения, на каждом празднике, в каждый приезд. Он возил её на плечах, когда она была маленькая и уставала идти. Он учил её держать кисть, когда она только начала рисовать. Он первым сказал ей, что её рисунки — не безделица, а «что-то, в чём есть строение».

И всё это время все вокруг называли его «дядя Миша».

Дядя Миша. Два слова, одно привычное, второе — имя. Первое означало: он из семьи, он свой, он старше, он по ста-

тусу — взрослый, который присматривает. Второе — просто имя. И Лиза никогда не задумывалась, почему первое слово не совсем подходит. Оно было как старая обувь: неудобно, но носят, потому что привыкли.

Пирог кончился. Лиза собрала тарелки, поставила в раковину. Миша, как всегда, хотел помочь, но она махнула рукой:

— Я сама.

— Точно?

— Точно. Ты гость.

— Я не гость, — сказал он, и это прозвучало странно. Не вызов, не упрёк, а констатация. Он и правда не гость. Он — часть этого дома, как сахарница с трещиной, как неработающий рожок люстры.

Лиза мыла посуду и слушала, как он за спиной листает что-то в телефоне. Звук пальцев по экрану — тихий, быстрый. Она представила, как он сидит, откинувшись на спинку, длинные ноги вытянуты, и листает ленту с этим выражением лица, которое она называла «скучающе-спокойным», но знала, что за ним скрывается привычка не показывать, что тебе интересно.

— Миша, — сказала она, не оборачиваясь. Вода текла, посуда звенела, и в этом шуме слово прозвучало легко, почти случайно.

— М?

— А почему все зовут тебя дядей?

Тишина. Не долгая — секунда, может, полторы. Но Лиза успела заметить её, потому что тишина в разговоре с Мишей была редкостью. Он не молчал неловко, он не искал слова. Он всегда отвечал сразу. И сейчас — не ответил.

Она обернулась. Миша сидел в той же позе, но что-то изменилось: телефон лежал на столе экраном вниз, и он смотрел не на неё, а куда-то в точку между её плечом и дверным косяком. Лицо было спокойным, но Лиза, которая знала его мимику как карту, видела: вот тут, у глаз, что-то дрогнуло. Не морщинка — тень.

— Что значит — почему? — спросил он ровно.

— Ну, — Лиза вытерла руки полотенцем, повернулась к нему, прислонившись к столешнице. — Все говорят «дядя Миша». Мама, бабушка, даже папа. Но ты... — она запну-

лась, потому что впервые произносила это вслух, и слова были тяжёлее, чем она думала, — ты ведь не родственник. Ну, то есть... не родной.

Последнее слово повисло в воздухе. «Родной». Она сказала его и сама не поняла, откуда оно взялось. Она не знала этого факта — не знала наверняка. Но чувствовала. Как чувствуешь, что обувь жмёт, даже если носишь её годами: при-выкаешь, а потом вдруг обращаешь внимание — и вот оно.

Миша посмотрел на неё. Прямо, без уклонения. И в его взгляде было что-то, чего она раньше не видела: не страх, не вина, а узнавание. Как будто она сказала слово, которое он давно ждал от кого-то, но не от неё. Не сейчас.

— Нет, — сказал он тихо. — Не родной.

Лиза ждала продолжения, но его не было. Миша встал, прошёл к окну, посмотрел на дождь. Его спина — широкая, прямая, в серой футболке — была похожа на стену, за которую можно спрятаться. Но от кого?

— Миша?

— Это... — он помолчал, подбирая слово. Не «долгая история», не «сложно». Он искал другое. — Это не то, о чём

стоит говорить за пирогом, Лиз.

Лиза сжала край полотенца. Его тон был мягким, но она услышала: он не отказывается, он откладывает. А откладывают то, чего боятся.

— А о чём стоит? — спросила она.

Миша обернулся. Улыбнулся — но улыбка была другая. Не та, к которой она привыкла: тёплая, ленивая, как у человека, которому хорошо. Эта была осторожной, как у человека, который стоит на краю чего-то и знает, что шаг сделает.

— Когда-нибудь, — сказал он. — Я расскажу. Но не сегодня.

— Почему не сегодня?

— Потому что сегодня ты испекла мне пирог, и я не хочу, чтобы вечер закончился неправильно.

Лиза хотела сказать, что вечер уже не может закончиться правильно, потому что она задала вопрос, на который не получила ответа, и теперь это «когда-нибудь» будет сидеть в ней, как заноза. Но она промолчала. Потому что тоже не хотела, чтобы вечер закончился неправильно.

Миша надел куртку, проверил карманы. У двери остановился.

— Пирог был хороший, — сказал он. — Края — особенно.

Лиза улыбнулась. Он потрепал её по голове — привычным жестом, которым он делал это с детства, — и вышел. Дверь щёлкнула, и квартира стала тихой.

Лиза стояла в прихожей и смотрела на крючок, где висела его куртка — нет, не висела, он забрал. На крючке было пусто, но она всё равно видела место, где она обычно висит: третье слева, между маминой ветровкой и папиным шарфом. Третье слева — его место. Как давно оно стало его?

Она вернулась на кухню. Пирог остыл. На столе лежал телефон Миши — нет, он забрал телефон. Просто кольцо от чашки, круглое, мокрое.

Лиза села на его стул — у окна, спиной к стеклу — и посмотрела на кухню его глазами. Стол, раковина, сахарница с трещиной. Всё привычное, всё знакомое. Но теперь за каждой вещью стоял вопрос, который она задала и на который не получила ответа.

«Не родной».

Она сказала это, не зная наверняка. Сказала, потому что чувствовала. И он не поправил. Не сказал «что ты, конечно родной». Не рассмеялся и не отмахнулся. Он сказал «нет» — тихо, серьёзно, и это «нет» было первым честным словом, которое она от него услышала за весь вечер.

Лиза подняла руку и коснулась виска — туда, где час назад были его пальцы, убиравшие прядь. Нет, это было не сегодня. Это было давно, в кофейне, когда она заправляла волосы за ухо, и он машинально поправил прядь, которую она не заправила. Это длилось секунду, и они оба сделали вид, что ничего не было. Но Лиза помнила. Она помнила каждое касание — не потому что их было много, а потому что их было мало, и от этого каждое весило больше.

Она достала телефон. Открыла чат с Соней. Подруга написала два часа назад: «Ты где??? Гуляем в пятницу???» Лиза набрала: «Соня, у меня вопрос». Стёрла. Набрала снова: «Соня, а ты знаешь, что Миша — не родной дядя?» Стёрла. Набрала: «Всё нормально, давай в пятницу». Отправила.

Положила телефон на стол. За окном дождь не прекращался — мелкий, тихий, как разговор, в котором все знают

главное, но никто не решается сказать. Лиза смотрела, как капли ползут по стеклу, и думала: если он не родной, то кто он ей? Не дядя. Не друг семьи — слишком близко для этого. Не просто знакомый — слишком далеко. Кто?

И почему ей так важно это знать?

Она подтянула колени к груди, обняла их руками — рукава футболки натянулись, и она спрятала ладони внутрь, как делала всегда, когда нервничала. За окном фонарь мигнул и загорелся ровно. Кухня стала светлее.

Лиза закрыла глаза и впервые позволила себе подумать то, что гнала последние месяцы. Не «кто он мне». А «что я к нему чувствую». И ответ пришёл не словами, а теплом в груди — тяжёлым, ноющим, как желание, которое нельзя исполнить.

Она открыла глаза. Посмотрела на третье место слева на вешалке. Пустое.

«Когда-нибудь», — сказал он.

Лиза сжала ладони в кулаки внутри рукавов и прошептала в пустую кухню:

— Хорошо. Я подожду.

Но она уже знала, что ждёт не ответа. Она ждала разрешения — от себя — чувствовать то, что чувствовала. И это разрешение было самым страшным, потому что за ним стояло слово, которое она пока не могла произнести.

Пятница. В кофейне было шумно: кто-то громко спорил про сериал, бариста выкрикивал номера заказов, а за соседним столиком парень в толстовке читал вслух стихи, будто это самое обычное дело. Лиза сидела напротив Сони, крутила в руках стаканчик с латте и чувствовала, как слова, которые она собиралась сказать, снова оседают где-то в груди, тяжёлые и неудобные.

Соня смотрела на неё внимательно, чуть склонив голову, как делала всегда, когда знала: сейчас будет не «расскажи про универ» и не «этот препод просто невыносимый». Сейчас будет что-то по-настоящему важное.

— Ты сегодня какая-то... — Соня подбирала слово, — не здесь. Будто сидишь тут, а сама стоишь на краю чего-то и боишься шагнуть.

Лиза усмехнулась, но вышло криво.

— Почти. Я спросила у Миши вчера, почему его все зовут дядей.

Соня замерла с трубочкой у губ. Потом медленно опустила стакан.

— И?

— Он сказал... — Лиза посмотрела в окно, где по стеклу тянулась тонкая струйка дождя, — он сказал: «Не родной».

Тишина повисла между ними, и в этот раз она была не уютной, как у них с Мишей на кухне, а колючей, острой. Соня моргнула.

— В смысле... вообще не родственник?

— Нет. Не родной. У них с моим папой одна мама, но разные отцы.

Соня откинулась на спинку стула, и Лиза увидела, как подруга быстро складывает в голове те же детали, что и она сама: фотографии, подписи, то, как бабушка всегда аккуратно уходила от любых вопросов про Мишу.

— А ты откуда знаешь? — тихо спросила Соня.

— Я не знала. Я просто... спросила. И он не стал врать. Просто сказал «нет» и ушёл от темы. Сказал, что расскажет «когда-нибудь».

— «Когда-нибудь», — повторила Соня, и в её голосе не было ни насмешки, ни осуждения. Только понимание. — Это самое страшное слово. Оно значит: «я знаю, что тебе важно, но я пока не готов».

Лиза кивнула. Ей хотелось плакать, но она не плакала. Вместо этого она сжала стаканчик так, что картон хрустнул.

— И что ты чувствуешь? — спросила Соня, не отводя взгляда.

Лиза открыла рот, чтобы сказать «ничего», привычно отмахнуться, сделать вид, что её просто зацепила семейная странность. Но слова застряли. Вместо них вырвалось другое:

— Страшно.

Соня наклонилась вперёд, оперлась локтями о стол.

— Что страшно?

— То, что я ждала этого ответа. Понимаешь? Я не хотела знать, но... я хотела. Как будто если он скажет «да, я твой дядя», я смогу выдохнуть и забыть. А если скажет «нет»... — Лиза запнулась, сглотнула. — Если скажет «нет», тогда всё, что я чувствую, перестаёт быть просто «он мне нравится, он классный». Оно становится... другим.

Соня помолчала, будто взвешивала каждое слово.

— Лиза, ты можешь не называть это вслух, если не готова. Но я хочу, чтобы ты знала: я тебя не осужу. Даже если это звучит... сложно.

Лиза закрыла глаза на секунду, а когда открыла, слова полились сами, как вода из треснувшего стакана:

— Я смотрю на него, и мне кажется, что я вижу каждую деталь. Как падает свет на его волосы. Как он морщится, когда пьёт слишком горячий кофе. Как у него на среднем пальце мозоль от карандаша... Я знаю это всё. И я знаю, что он помнит, какой кофе я пью, и приносит мятные леденцы, потому что я когда-то сказала, что мне нравится их запах. И когда он меня потрепал по голове вчера... — Лиза сжала кулаки, — я вдруг поняла, что не хочу, чтобы он меня трепал по голове. Не как маленькую. Не как племянницу.

Соня не стала говорить «ой, ну ты что» или «да это просто привязанность». Она просто кивнула, будто услышала не признание, а что-то очень простое и понятное.

— Это тяжело, — сказала она тихо. — Когда ты понимаешь, что твои чувства не вписываются в ту рамку, которую тебе дали с детства.

— Да, — выдохнула Лиза. — И ещё тяжелее, что я не могу просто подойти к маме и спросить: «Мам, а почему мы все делаем вид, что он мой дядя, если это не так?» Потому что тогда придётся объяснять, зачем мне это. А я не хочу объяснять.

Соня потянулась через стол и накрыла её руку своей.

— Тебе и не надо. Не сейчас. Ты можешь просто держать это у себя, пока не будешь готова. Или можешь рассказывать мне. Я не скажу никому.

Лиза наконец-то почувствовала, как плечи опускаются, будто с них сняли рюкзак, который она таскала весь день.

— Спасибо, — прошептала она.

— За что?

— За то, что не говоришь «это ерунда» и не пытаешься всё исправить.

Соня улыбнулась, но улыбка вышла грустной.

— Исправить тут нечего. Тут надо просто дать тебе место, чтобы это чувство не разорвало тебя изнутри.

Они посидели ещё немного, пили остывший кофе и смотрели, как дождь стучит по витрине. Потом Соня вдруг спросила:

— А Артём? Ты ведь собиралась с ним поговорить.

Лиза поморщилась, будто вспомнила что-то неприятное, но давно забытое.

— Да. Надо. Просто... после вчерашнего вечера мне кажется, что говорить с ним про «мы разные» будет как-то... мелко.

— Мелко не бывает, Лиза, — серьёзно сказала Соня. — То, что ты не чувствуешь к нему того, что должна чувствовать, — это тоже важно. Ты не обязана притворяться, что всё

нормально.

Лиза кивнула, но внутри всё равно было ощущение, что проблема с Артёмом — это рябь на воде, а проблема с Мишей — подводное течение, которое тянет на глубину.

Когда они вышли на улицу, дождь почти закончился. Асфальт блестел, как чёрная фольга, и в лужах отражались вывески и фонари. Соня обняла Лизу на прощание, крепко, по-дружески, без лишних слов.

— Если хочешь, можем завтра вместе сходить к твоей бабушке, — тихо сказала она. — Ты будешь «помогать с полками», а я буду держать тебя за руку, если станет страшно.

Лиза улыбнулась. Впервые за день улыбка получилась настоящей.

— Ладно. Завтра.

Соня ушла, махнув на ходу, а Лиза осталась стоять под козырьком магазина, смотрела, как последние капли падают с крыши, и думала: сегодня она не узнала всей правды, но ей стало легче. Потому что теперь она не держала это в себе. Она сказала. И мир не рухнул.

Она достала телефон, открыла чат с Мишей. Там было старое сообщение: «Пирог был хороший. Края — особенно». Лиза долго смотрела на эти слова, а потом напечатала и стёрла три разных фразы. В итоге отправила самое простое:

«Спасибо за вчера. Было приятно, что ты пришёл».

И, не дожидаясь ответа, спрятала телефон в карман. Ей не нужно было, чтобы он отвечал прямо сейчас. Достаточно было просто отправить.

Миша вышел из подъезда, и дождь ударил по лицу — не ливень, а мелкая, злая морось, которая не льётся, а висит в воздухе и пробирается под воротник. Он втянул голову в плечи, застегнул куртку до самого верха, хотя от этого не становилось теплее. Холод был не снаружи.

Он шёл быстро, почти бежал, будто мог убежать от того, что осталось в квартире Лизы. От её взгляда, от вопроса, который она задала так просто, будто это обычная бытовая вещь: «Почему все зовут тебя дядей?» А он ответил ещё проще: «Не родной». Без оправданий, без долгих объяснений. Просто отрезал правду, и она повисла между ними, как лезвие.

На светофоре он остановился, сунул руки в карманы, на-

щупал мятлый леденец — тот самый, который купил, потому что Лиза когда-то сказала, что ей нравится этот запах. Он усмехнулся про себя: вот ведь привычка, ввевшаяся глубже, чем любая другая. Он даже не замечал, как каждый раз кидал его в карман, когда собирался к ней.

Светофор переключился на зелёный, но Миша не пошёл. Он стоял, смотрел, как машины проезжают, оставляя за собой мокрые следы на асфальте, и думал: «Я не должен был уходить так. Должен был сесть, налить себе ещё чашку остывшего чая, посмотреть ей в глаза и сказать: „Да, я не родной. И да, я знаю, что ты начинаешь это чувствовать. И я тоже. И это самое страшное“».

Но он не сказал. Потому что сказать — значит признать, что между ними есть то, что нельзя называть. А пока они не называют — оно как будто не существует. Как будто можно ещё сделать вид, что он просто «дядя Миша», который пришёл съесть пирог и уйти, как делал это тысячу раз.

Только сегодня всё было не как тысячу раз. Сегодня Лиза села напротив. Не сбоку, не у раковины, где можно прятать взгляд за посудой, а прямо напротив, так, что он видел каждую ресницу, каждую тень под глазами, каждую морщинку, которая появлялась, когда она пыталась казаться спокойной. И он понял: она больше не ребёнок, который ждёт, чтобы его

потрепали по голове. Она выросла — и выросла прямо у него на глазах, а он этого не заметил, пока она сама не посмотрела на него так, будто впервые увидела.

Миша достал телефон, открыл чат с Лизой. Там было её последнее сообщение: «Спасибо за вчера. Было приятно, что ты пришёл». Он перечитал его три раза. Простое, аккуратное, без намёков. Но в этой простоте было столько осторожности, столько желания не спугнуть, что у него сжалось в груди.

Он начал печатать: «И тебе спасибо. Пирог правда был хороший». Потом стёр. Слишком обычно. Слишком похоже на то, что он всегда писал. Потом: «Знаешь, я хотел остаться подольше». И это уже было правдой. Но отправить — значило признаться в чём-то, чего он сам боялся назвать.

В итоге он закрыл чат и убрал телефон. Пусть будет тишина. Пусть она будет между ними хоть немного, пока он не придумает, как дышать рядом с ней и не делать того, что делать нельзя.

До метро он дошёл почти на автомате. В вагоне было шумно, люди толкались, кто-то громко говорил по телефону, кто-то читал книгу, кто-то смотрел в окно, будто там было что-то интереснее, чем мокрый город. Миша стоял у двери, дер-

жался за поручень, и чувствовал себя чужим среди них. У всех были свои обычные проблемы: опоздания, забытые зонты, ссоры с коллегами. А у него была одна-единственная, которая не помещалась ни в одну обычную категорию.

«Я не должен чувствовать это», — повторял он про себя, как мантру. Но мантра не работала. Потому что чувство не было выбором. Оно просто было — как дыхание, как стук сердца. И оно не спрашивало, можно или нельзя.

Телефон в кармане завибрировал. Миша достал его, надеясь, что это Лиза. Но это была Катя.

Катя: «Ты сегодня свободен? Можем заказать пиццу и просто посидеть. Без разговоров про будущее, если хочешь».

Он посмотрел на сообщение, и на секунду ему захотелось ответить: «Да. Давай пиццу. Давай тишину. Давай что угодно, лишь бы не думать». Но он не мог. Потому что тишина с Катей теперь была другой. В ней не было облегчения. В ней была вина.

Он набрал:

Миша: «Прости, сегодня не могу. Много работы, надо сделать проект».

И снова стёр. Не потому что это была ложь — проект и

правда висел, недоделанный. А потому что это было не главное. Главное было в том, что он не хотел сидеть с ней и делать вид, что всё нормально. Он не имел права делать вид.

Миша: «Катя, я... мне нужно немного времени. Я запутался. Прости, что не могу сейчас быть тем, кто тебе нужен».

Отправил. И сразу почувствовал, как плечи опустились, будто с них сняли что-то тяжёлое. Но тут же стало тяжелее в другом месте — в груди, где теперь поселилось чувство, что он делает больно человеку, который этого не заслужил.

Ответ пришёл почти сразу.

Катя: «Не извиняйся. Просто скажи, если тебе нужно побыть одному. Я не буду давить».

Миша закрыл глаза. Ему хотелось плакать — не от горя, а от этой невыносимой, тихой доброты, которую он не заслуживал. Катя не кричала, не обвиняла, не требовала объяснений. Она просто давала ему пространство, даже когда он сам не знал, что с ним делать.

Он вышел на своей станции, поднялся по лестнице, и город снова ударил его дождём и ветром. Он шёл по знакомым улицам, мимо витрин, мимо киосков с горячими напитками, мимо людей, которые спешили домой, к своим обычным жизням. И вдруг он остановился у маленькой лавки, где про-

давали старые открытки и книги. На витрине лежала акварельная бумага — тонкая, шершавая, с неровным краем.

Лиза рисовала акварелью. Он помнил, как она морщилась, глядя на свои работы: «У меня не получается». А он тогда сказал: «Получается. Просто ты пока не видишь, как это выглядит». И она улыбнулась, будто он подарил ей что-то очень важное.

Миша зашёл внутрь, купил лист бумаги и маленький набор красок. Не потому что собирался рисовать. А потому что хотел иметь что-то, что напоминало бы ему о ней — но не как о племяннице, а как о человеке, который держит кисть так, будто боится оставить след, и всё равно оставляет.

Когда он пришёл домой, квартира встретила его тишиной. Он поставил пакет на стол, снял куртку, провёл рукой по спинке дивана — там, где они с Катей сидели вечерами, смотрели фильмы, смеялись над одними и теми же шутками. Теперь это казалось далёким, как сон, который помнишь, но не можешь вернуть.

Он сел на диван, закрыл лицо руками и наконец-то позволил себе подумать то, что гнал весь вечер:

«Я чувствую к ней не то, что должен. И самое страшное —

она тоже начинает это чувствовать. А я не знаю, как сделать так, чтобы это не разрушило всё».

Утро выдалось серым, будто город натянул на себя старое пальто — тяжёлое, влажное, не по сезону. Миша сел в машину, хлопнул дверью чуть резче, чем нужно, и на секунду замер, вдыхая привычный запах: кожа сидений, мятная освежитель-ёлочка, лёгкий след кофе из вчерашнего стаканчика. Всё обычное. Всё как всегда. Только внутри — не как всегда.

Он повернул ключ зажигания. Мотор заурчал ровно, уверенно — машина знала своё дело. Миша тронулся, встроился в поток, привычно ловил ритм дороги: поворот, светофор, перестроение. Тело помнило маршрут, будто вело само. А голова — была где-то в другом месте. В маленькой кухне, у духовки с подгоревшим пирогом. У вопроса, который Лиза задала так просто, будто это ничего не значит: «Почему все зовут тебя дядей?»

«Не родной», — сказал он. И это слово теперь крутилось у него в голове, как заезженная пластинка, которая не даёт переключиться на что-то другое.

На светофоре он остановился, опустил стекло на сантиметр — впустить сырость, чтобы она отрезвила. Капли падали на раму, стекали тонкими дорожками. Он смотрел на

них и думал: если бы можно было так же легко смыть то, что крутится в голове. Просто провести тряпкой — и всё чисто. Но нельзя.

Рядом остановилась спортивная машина, из неё доносился бас, тяжёлый, вибрирующий, как натянутая струна. Парень на пассажирском сиденье смеялся, девушка рядом что-то кричала, перекрывая музыку. Обычная жизнь. Простая. Без узлов, которые не развязать. Миша отвернулся, уставился на таймер светофора. Красный. Жёлтый. Зелёный. Он поехал.

В офисе его ждали правки по проекту: клиент хотел «ещё чуть-чуть современнее», хотя Миша уже трижды переделывал макеты, и каждый раз «современнее» оказывалось чем-то новым, чего никто не мог толком описать. Он вошёл в кабинет, поставил стакан с кофе, включил компьютер. На экране сразу выскочили письма, уведомления, задачи. Всё требовало внимания. Всё кричало: «Сейчас!»

Миша открыл макет. Линии, отступы, шрифты — всё было на месте. Но когда он пытался двигать блок, рука будто не слушалась. Он сдвигал на два пикселя влево, потом вправо, потом снова влево. Бессмысленно. Потому что глаза видели, а мозг не фиксировал. Он видел не сетку и не цвета — он видел Лизу напротив, на её стуле, с руками, спрятанными в

рукава футболки. Видел, как она режет пирог и пододвигает ему большой кусок. Видел тень у неё под глазами и то, как она быстро смотрела в окно, будто боялась, что он заметит, как много она смотрит на него.

Он закрыл макет. Открыл почту. Прочитал первое письмо — и понял, что не помнит ни слова из него, пока дочитывал до конца. Снова. И снова. Как будто буквы были на незнакомом языке.

— Миш, ты тут? — В кабинет заглянул Стас, коллега, с папкой в руках и привычным выражением лица: «у нас горит, давай быстрее».

— Тут, — ответил Миша, но голос прозвучал отстранённо, как будто говорил кто-то другой.

— Клиент прислал новые комментарии. Хотят поменять всю цветовую схему. Говорят, «не цепляет».

Миша кивнул, взял папку, открыл. Цвета. Оттенки. Палитры. Он смотрел и не видел. В голове крутилось: «А что цепляет? Что вообще цепляет так, что забываешь дышать?»

— Ты нормально? — Стас прищурился, будто пытался разглядеть что-то за привычной маской. — Ты какой-то...

не здесь.

Миша хотел сказать «всё нормально», как говорил всегда. Привычная броня. Но сегодня она не надевалась. Сползала с плеч.

— Не знаю, — честно ответил он. — Сегодня... не получается собраться.

Стас помолчал. Не стал давить, не стал шутить, чтобы разрядить. Просто кивнул.

— Бывает. Если хочешь, я сам пройдуся по комментариям, накидаю черновые варианты. Ты потом глянешь.

Миша почувствовал укол благодарности — такой острый, что почти больно. Потому что кто-то просто увидел, что ему тяжело, и не стал требовать «соберись».

— Спасибо, — тихо сказал он. — Я... сейчас. Просто пять минут.

Когда Стас ушёл, Миша снова остался один. Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. И перед внутренним взором снова была кухня. Дождь за окном. Лиза, которая прячет ладони в рукава. Её вопрос. Его ответ. И тишина, кото-

рая повисла после, плотная, как туман.

Телефон в кармане тихо звякнул.

Миша достал его, и сердце на секунду подпрыгнуло, а потом будто замерло — ровно на ту долю секунды, пока экран не показал имя.

Лиза.

Лиза: «Я сегодня ходила с Соней в кофейню. Просто посидели, поболтали. Ничего особенного. Но стало чуть легче. Спасибо, что ты тогда не стал ничего придумывать и просто сказал правду.»

Он перечитал сообщение три раза. Потом ещё раз. Каждое слово будто падало в него и оставляло след: «стало чуть легче», «не стал придумывать», «сказал правду».

И вдруг он понял: она благодарит его не за пирог и не за вечер. Она благодарит за то, что он не стал врать. За то, что не спрятался за привычным «я твой дядя, не задавай сложных вопросов». Он дал ей одну маленькую, жёсткую правду, и для неё это оказалось важнее любых утешений.

Миша откинулся на спинку кресла, сжал телефон в ладони, будто мог удержать через него эту тишину между ними

— не пустую, а такую, в которой можно дышать.

«Стало легче», — повторил он про себя. И от этого стало одновременно хорошо и невыносимо тяжело. Хорошо — потому что он не сделал ей хуже. Тяжело — потому что «легче» не значит «всё нормально». Это значит: проблема всё ещё есть, но теперь она не одна с ней.

Он посмотрел на экран, на её аватарку — Лиза на фоне моря, волосы растрепаны ветром, улыбка чуть кривая, будто она не хотела фотографироваться, но в последний момент рассмеялась. Он помнил этот день. Это было три года назад. Он сам тогда щёлкнул, пока она не отвернулась. «Не надо», — сказала она, но уже смеялась. И он подумал тогда: «Она становится красивой не потому, что старается, а потому что перестаёт прятаться».

Теперь она снова пряталась. Только не от камеры, а от самой себя. И он был частью этой прятки — и тем, от кого она пряталась, и тем, кто мог бы помочь ей перестать.

Миша начал печатать:

«Рад, что стало легче. Если хочешь просто про что-то обычное — про универ, про Соню, про дурацкий сериал — можешь писать. Не обязательно про главное.»

Прочитал. Подумал. Добавил:

«А если не хочешь — тоже нормально. Просто знай, что я тут.»

И отправил. Без долгих раздумий, пока не успел сам себя остановить и стереть.

Через несколько секунд под сообщением появились серые галочки — прочитано. Потом три точки — она печатает.

Он смотрел на эти прыгающие точки, как на что-то жизненно важное. Как будто от следующей фразы зависело, сможет ли он сегодня вообще работать или просто будет сидеть и ждать.

Лиза: «Сегодня на истории препод опять говорил монотонно, и я рисовала на полях. Получился какой-то странный кот с человеческими глазами. Соня сказала, что это артхаус. Я посмеялась.»

Миша улыбнулся. Впервые за день — по-настоящему, так, что даже плечи чуть опустились, сбрасывая напряжение.

Миша: «Покажи кота. Даже если он артхаус.»

Лиза: «Не-а. Он слишком стыдный. Но я его не стёрла. Значит, он мне всё-таки нравится.»

Ещё одна улыбка. На этот раз тихая, почти незаметная.

Он вдруг понял, что они делают: строят между собой тонкую тропинку из обычных вещей. Из котов с человеческими глазами, из кофе, из пирогов с подгоревшими краями. Тропинку, по которой можно ходить, не называя того, что лежит по обе стороны.

Он открыл макет, который Стас прислал на согласование. И на этот раз увидел его. Не как набор пикселей, а как задачу: вот блок, вот цвет, вот отступ. И он понял, что может сделать. Не идеально. Не блестяще. Но достаточно хорошо, чтобы это было честно.

Миша написал Стасу:

«Скинь комментарии ещё раз, я сейчас пройдусь. И спасибо, что придержал.»

Потом снова посмотрел на чат. Там было тихо. Лиза, наверное, пошла на следующую пару. Или пила кофе с Соней. Или рисовала ещё одного кота — уже с нормальными глазами.

Он положил телефон экраном вверх, чтобы не пропустить, если она напишет ещё. Не потому что ждал чего-то большого. А потому что эти маленькие вещи — про котов, про кофе, про «стало легче» — были сейчас единственной опорой, которая не давала ему провалиться в ту тяжесть, ко-

торию он сам себе создал.

В доме бабушки пахло так, как пахнет только в больших семейных праздниках: ванилью, горячим тестом, маринованным луком и чуть-чуть — воском от свечей, которые ещё не зажгли. Квартира будто раздулась: стулья вынесли из всех комнат, в коридоре поставили раскладной столик с закусками, на кухне бабушка в третий раз проверяла, хватает ли тарелок, а тётя Света командовала, чтобы никто не трогал салат «Оливье» до прихода всех гостей.

Лиза стояла у окна в гостиной, держала в руках вазу с ветками эвкалипта — её попросили «поставить красиво», но она всё никак не могла решить, куда: на комод, на подоконник или вообще отдать кому-то другому. Пальцы скользили по гладким листьям, и она чувствовала, как внутри всё сжимается в тугий узел. Сегодня все будут рядом. Все будут говорить, смеяться, чокаяться бокалами. И среди них — Миша.

Она уже видела его издалека, когда шла по двору: он стоял у подъезда с коробкой в руках — наверняка что-то для бабушки, что-то аккуратное, не слишком яркое, но нужное. Он всегда так выбирал подарки: не чтобы впечатлить, а чтобы было по делу. Лиза тогда на секунду остановилась за деревом, просто чтобы посмотреть, как он поправляет шарф, как отряхивает рукав, будто с него всё ещё капает дождь, хо-

тя дождя уже не было.

А потом он поднял голову, будто почувствовал, и их взгляды встретились через двор. На долю секунды. И он улыбнулся — не широкой улыбкой, а той самой, тихой, которая у него появляется, когда он видит кого-то, кто ему по-настоящему рад. И Лиза поняла: спрятаться не получится. Сегодня ей придётся быть рядом с ним и делать вид, что это обычный день, обычный праздник, обычный Миша.

Миша вошёл в квартиру, и его тут же перехватила тётя Света:

— Миш, ты как раз! Помоги с холодильником — он опять не закрывается, если положить ещё хоть одну кастрюлю.

Он улыбнулся, кивнул, поставил коробку на тумбочку и пошёл на кухню, привычно беря на себя то, что нужно сделать прямо сейчас. Лиза смотрела ему вслед и думала: вот он и растворился в празднике. Стал «дядей Мишей» — тем, кто помогает с холодильником, кто несёт тарелки, кто шутит с дядей Петей про старые времена.

Но она-то знала, что под этим «дядей» прячется другой человек. Тот, кто вчера ответил на её сообщение. Тот, кто не стал придумывать красивые слова, а просто сказал: «Я тут».

Бабушка появилась в дверях гостиной в новом платье —

тёмно-синем, с мелким белым горошком, которое ей очень шло. Она оглядела комнату, поправила брошку, вздохнула так, будто на её плечах лежала вся эта суета, и вдруг улыбнулась — широко, искренне, и все в комнате будто выдохнули.

— Ну, — сказала она, — давайте уже праздновать. А то я столько всего наготовила, что если не съедим до полуночи, придётся раздавать соседям.

Все засмеялись, и напряжение, висевшее в воздухе, чуть-чуть рассеялось.

Начались поздравления, тосты, звон бокалов. Бабушка сидела во главе стола, слушала, кивала, иногда вытирала глаза салфеткой, но улыбалась — и эта улыбка делала всё правильным. Лиза сидела между Соней, которую она всё-таки уговорила прийти, и двоюродным братом, который весь вечер пытался объяснить, почему «этот новый сериал — вообще не то, что было раньше».

Лиза кивала, отвечала, улыбалась, когда надо. Но краем глаза она всё время ловила Мишу: как он наливает бабушке компот, как отодвигает стул, чтобы тётя Света могла пройти, как на секунду замирает, когда кто-то в очередной раз говорит: «Ну, дядя Миша, ты у нас как всегда на подхвате».

И каждый раз, когда звучало это «дядя», Лиза чувствовала, как слово царапает. Не потому что оно было плохим, а

потому что оно теперь не подходило. Оно было слишком маленьким для того, что она к нему чувствовала.

Ближе к вечеру, когда салаты уже заметно поубавились, а разговоры стали громче и свободнее, бабушка вдруг хлопнула ладонью по столу — не сердито, а так, чтобы все замолчали.

— Так, — сказала она. — Сейчас будет традиция. Достаём старые фото. Я хочу, чтобы молодёжь посмотрела, какими мы были.

Тётя Света тут же вскочила:

— Я знаю, где альбом! Он в шкафу, сверху, под папкой с квитанциями.

Через пять минут на столе лежал толстый альбом в коричневой обложке с золотым тиснением. Бабушка открыла первую страницу, провела пальцем по старым снимкам, будто вспоминая каждую секунду, запечатлённую на плёнке.

— Вот, — сказала она, показывая фото, где папа Лизы и Миша были мальчишками. — Им тут лет двенадцать и пятнадцать. Они тогда всё лето провели у бабушки в деревне. Ловили лягушек, строили шалаш и каждый день приходили домой в таких лохмотьях, что бабушка только руками разводила.

Лиза наклонилась, вглядываясь в снимок. Папа был смешным, худым, с торчащими ушами, а Миша — чуть старше,

чуть серьёзнее, с тем самым выражением лица, которое Лиза знала наизусть. Только здесь он смотрел не вперёд, а на папу, будто прикрывал его, даже на фото.

— А почему они так похожи? — вдруг спросила Лиза, сама не зная, зачем задаёт этот вопрос именно сейчас, при всех. — Ну, не как братья, но... будто из одной семьи.

Бабушка на секунду замерла. Потом улыбнулась, но улыбка вышла чуть натянутой.

— Потому что они и правда были как братья. С детства вместе. Одна мама, разные отцы. Миша тогда переехал к нам, и мы все стали одной семьёй. Не по бумагам, а по жизни.

Лиза почувствовала, как кровь приливает к щекам. Она посмотрела на Мишу. Он не отвёл взгляд. Просто кивнул, подтверждая то, что она уже знала, но теперь услышала от бабушки — при всех.

«Не родной», — сказал он тогда, на кухне. И теперь это перестало быть тайной, спрятанной в одном разговоре. Теперь это стало частью истории семьи.

Кто-то потянулся за альбомом, чтобы посмотреть дальше, кто-то начал рассказывать про деревню, про шалаш, про то, как Миша однажды спас всех от соседского пса. Разговор pokračился дальше, и неловкость, которая повисла на миг, растворилась в воспоминаниях.

Лиза встала, сказала, что пойдёт на кухню налить воды. На самом деле ей нужно было просто выйти. В коридоре было тише. Она оперлась о стену, закрыла глаза на секунду, пытаясь унять дрожь.

Дверь кухни приоткрылась, и вышел Миша. Он увидел её, остановился. Не стал сразу подходить, будто боялся спугнуть.

— Ты в порядке? — тихо спросил он.

Лиза кивнула, потом покачала головой. Потом снова кивнула.

— Просто... — она сжала стакан, который держала в руке, — просто когда бабушка сказала это вслух... про маму, про отцов... я вдруг поняла, что знала это всегда. Просто не называла.

Миша подошёл ближе, но не вплотную. Оставил между ними пространство — то самое, которое теперь было им необходимо.

— Иногда вещи становятся настоящими, только когда их произносят вслух, — сказал он. — До этого они просто жи-

вут где-то внутри, как что-то, чего ты боишься коснуться.

— Я боялась, — призналась Лиза. — Боялась, что если я пойму это до конца, то уже не смогу просто сидеть с тобой на кухне и есть пирог.

Миша улыбнулся, но в улыбке была грусть.

— Пирог мы всё ещё можем есть, — сказал он. — И даже подгоревшие края. Это не исчезнет.

Лиза хотела сказать что-то ещё, но из комнаты донёсся громкий смех — кто-то рассказал анекдот, и все захохотали. Праздник продолжался.

— Пойдём, — тихо сказал Миша, чуть кивнув в сторону гостиной. — Бабушка будет обижаться, если мы не посидим с ней ещё немного.

Лиза глубоко вдохнула, выдохнула. Кивнула.

Они вернулись в комнату вместе, но не рядом, а чуть порознь — так, чтобы никто ничего не подумал. Но когда Лиза садилась на своё место, Миша незаметно подвинул ей стул, чтобы она не ударилась о ножку. Маленький жест. Обычный. Родный.

Бабушка подняла бокал.

— За семью, — сказала она. — За тех, кто с нами, и за тех, кого уже нет. И за то, что мы всё ещё умеем собираться вместе.

Все подняли бокалы. Чокнулись. Лиза посмотрела на Мишу через стол. Он поймал её взгляд, чуть кивнул — так, что заметила только она. И в этом кивке было обещание: «Я тут. Мы пройдем через это».

Лиза подняла свой стакан с соком, сделала глоток. И впервые за вечер почувствовала, что может дышать.

Праздник потихоньку сходил на нет. Кто-то уже зевнул в ладонь, кто-то начал собирать тарелки, тётя Света уговаривала бабушку «не мыть ничего сегодня, утро вечера мудренее», а бабушка всё равно тянулась к стопке грязной посуды — привычка сильнее возраста.

Лиза стояла у окна в гостиной, смотрела, как фонари рисуют жёлтые круги на мокром асфальте. Праздник был хороший, тёплый, но внутри всё ещё гудело, как натянутая струна. Слишком много слов прозвучало сегодня. Слишком много взглядов она поймала — и слишком много не сказала.

Миша вышел из кухни с двумя стаканами тёплого чая — без сахара, как она любила. Протянул один ей.

— Держи. Бабушка сказала, что это «от нервов».

Лиза улыбнулась, взяла стакан, обхватила его пальцами — тепло медленно ползло по ладоням.

— Спасибо.

Они стояли рядом, но не вплотную. Как будто между ними всё ещё была та самая невидимая линия, которую никто не решался переступить.

— Ты устала? — тихо спросил Миша.

Она подумала и честно ответила:

— Не от праздника. От того, что всё стало слишком... настоящим. Когда бабушка сказала про папу и про тебя, про «одну маму, разные отцы»... Это как будто сняли стекло, за которым всё было размытым. Теперь видно каждую деталь, и от этого немножко страшно.

Миша кивнул, будто слышал не слова, а то, что за ними пряталось.

— Да. Иногда правда похожа на свет, который включают в тёмной комнате. Сначала больно глазам.

Лиза посмотрела на него — и вдруг поняла, что не хочет сегодня возвращаться в свою комнату, лечь в кровать и смотреть в потолок, прокручивая в голове все эти «а если».

— А можно... мы просто уедем отсюда ненадолго? — сказала она, сама удивляясь, как легко это вырвалось. — Просто покатаемся. Я не хочу, чтобы этот вечер кончился вот так, в тарелках и в «давай завтра всё доделаем».

Миша не стал говорить «тебе надо отдохнуть» или «уже поздно». Он просто посмотрел на неё, потом на часы, потом снова на неё. И улыбнулся — той самой улыбкой, от которой внутри становилось тише.

— Можно. Моя машина во дворе. Только скажи бабушке, что мы ненадолго.

Они вышли на улицу, и ночной воздух ударил свежестью — не холодной, а такой, когда город наконец-то выдыхает после суеты дня. Двор был почти пустым, только у подъезда сидел рыжий кот и смотрел на них с философским спокойствием.

Миша открыл для Лизы дверь машины, она села, втянула носом запах салона — тот самый, знакомый: немного кожи, немного мятного освежителя, и ещё что-то, что пахло просто им.

Мотор мягко заурчал, двор поплыл за окнами — сначала медленно, потом быстрее. Они выехали на проспект, где фонари уже не рисовали круги, а тянулись в длинные жёлтые линии.

— Куда? — спросил Миша, не отрывая взгляда от дороги, но будто чувствуя, что ей сейчас не нужно, чтобы на него смотрели.

Лиза пожала плечами:

— Туда, где тихо. Или туда, где красиво. Или просто... вперёд.

Он кивнул и повернул в сторону набережной.

Там было почти пусто. Только пара прохожих вдалеке, да одинокий велосипедист, промелькнувший мимо, как тень. Река лежала тёмной полосой, отражая огни, и казалось, что город смотрит на себя в зеркало и сам себе нравится.

Миша припарковался у ограждения, заглушил мотор. Стало тихо — по-настоящему тихо, без музыки, без голосов, только где-то далеко шумел редкий автомобиль.

Лиза опустила стекло на пару сантиметров. В салон вполз запах реки, сырого камня и ночного ветра.

— Знаешь, — сказала она, глядя на воду, — когда я была маленькая, я думала, что взрослые всё знают. Что у них есть инструкция, и они просто по ней живут. А теперь я вижу: у них тоже всё запутано. Они просто делают вид, что понимают, куда едут.

Миша усмехнулся, но в этом смехе не было насмешки — только согласие.

— У взрослых нет инструкции. У них есть привычка делать вид, что она есть.

Лиза повернулась к нему. В полумраке его лицо было чуть размытым, но она знала каждую черту наизусть: как падает тень на скулу, как морщится уголок глаза, когда он улыбается, как он чуть наклоняет голову, когда слушает.

— Ты когда-нибудь жалел, что сказал мне правду? —

спросила она тихо. — Про то, что ты не родной.

Миша не спешил с ответом. Он посмотрел вперёд, на реку, потом снова на неё.

— Нет, — сказал он. — Я жалел только о том, что сказал это так сухо. Будто отрезал. Но жалеть о самой правде... нет. Потому что врать тебе — это было бы хуже.

Лиза кивнула. Ей хотелось, чтобы эти слова легли внутри и остались там, как что-то надёжное.

— А ты? — спросил он. — Ты жалеешь, что спросила?

Она помолчала, прислушиваясь к себе.

— Сначала — да. Потому что как только ты сказал «не родной», всё стало сложнее. Но потом... я поняла, что лучше знать. Даже если сложно. Потому что теперь я не строю стены из предположений. Теперь я вижу, где настоящие края.

Миша улыбнулся — чуть-чуть, почти незаметно.

— Края — самое вкусное, помнишь?

Лиза рассмеялась, и этот смех был не громким, а таким,

каким смеются, когда напряжение наконец-то отпускает.

— Помню. Ты всегда так говоришь.

Они посидели ещё немного, слушая тишину. Потом Миша достал из бардачка тот самый лист акварельной бумаги, который купил вчера. Протянул ей.

— На, возьми. Вдруг захочешь что-то набросать. Прямо здесь.

Лиза взяла лист, провела пальцем по шершавой поверхности.

— Зачем ты его купил? — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.